

РУССКИЙ ЯЗЫК НА СЛОМЕ ТРЕХ ЭПОХ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

С. В. Русанова

Новосибирский государственный технический университет

Поступила в редакцию 16 июля 2014 г.

Аннотация: в результате сопоставительного исследования процессов функционирования русского языка в переломные периоды его развития выявляются некоторые общие и отличительные черты, характеризующие русский дискурс в данное время.

Ключевые слова: история русского языка; языковая ситуация; дискурс.

Abstract: some common and distinctive features which can define Russian discourse of that time are found out to exist as a result of comparative study of the Russian language functioning of watershed period of its development.

Key words: the Russian language history; language situation; discourse.

Любой живой язык находится в постоянном развитии, причем в разные периоды его существования темпы этого развития отличаются. Тесная связь изменений в языке с социально-экономическими и культурно-историческими условиями его существования позволяет ученым выделить три вида языкового развития: слабое (в период стабильного социально-экономического развития общества), интенсивное (в период крупных социально-политических и экономических перемен, интенсивного культурного развития, общественного подъема), бурное (в период смены общественно-экономических формаций) [1]. Особый интерес представляют периоды на сломе эпох, когда радикальные политические, социально-экономические и культурно-идеологические преобразования влекут за собой глубокие изменения в общественном сознании, в языке и условиях его функционирования.

Сопоставительный анализ языковых ситуаций, связанных с тремя переломными эпохами в истории российского общества и русского языка (первая треть XVIII в.; первая треть XIX в.; конец XX – первые десятилетия XXI в.), обнаруживает одну общую закономерность: на первый план выдвигается тот или иной дискурс, в рамках которого обостряется борьба присущих языку антиномий¹, обуславливающих его внутреннее развитие, активно осваиваются новые явления, рождаются новые жанры, меняется ситуация общения. Так, в конце XX – начале XXI в., когда началась «гигантская перестройка ... языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений» [3, 16], такой «опытной площадкой» становится публицистиче-

ский дискурс, и в частности дискурс СМИ, отражающий новую общественно-политическую, экономическую и культурную ситуацию в России. Именно здесь в первую очередь обнаруживается смена коммуникативной парадигмы общения, в частности, вытеснение монологической коммуникативной парадигмы тоталитарного общества диалогической парадигмой плюралистического общества [1].

Для дискурса СМИ характерно появление многих новых жанров и их перераспределение на шкале значимости и употребительности. Именно он питает все остальные сферы общения. В. Г. Костомаров называет журналистов одними из основных инициаторов более свободного обращения с языком, именно здесь ярко проявляется «карнавальное пренебрежение» нормой, мода употреблять варианты колеблющихся форм [4, 11]. Через язык СМИ в языковой обиход носителей литературного языка проникают иноязычные слова, активизация употребления которых является одним из социально значимых процессов современной русской речи. Именно здесь, начиная с конца XX в., обнаруживается актуализация одних лексических ресурсов и деактуализация других [5, 67–88]; стремление к анализу в морфологии и, шире, в грамматике, самом глубинном языковом ярусе, отличающемся выдающейся непроницаемостью для внешних воздействий [5, 326–344; 237–304]. В газетные тексты свободно включаются просторечные и жаргонные элементы, которые становятся привычным средством публичного общения, что обуславливает полистилизм языка СМИ, контаминацию всех приемов и способов употребления [6, 568–569]. Преобразование претерпевают и интертекстуальные связи, актуализирующиеся в языке СМИ: при общей тенденции к открытости текста, его включенности

¹ О языковых антиномиях: [2, 24].

в социально-культурный опыт человечества массовые издания обычно пользуются доступными прецедентами, «отсылающими» читателя к общеизвестным образам, «к клише массовой культуры» [6, 569]. Интертекстуальный фонд, представленный в СМИ, с его установками на редукцию культурной памяти и сосредоточению вокруг параметров «здесь» и «сейчас» вытесняет из сферы воздействия на социум художественный дискурс. На наших глазах он утрачивает «свое бесценное значение интертекстуального донора» [7, 138].

Похожей по степени активизации языковых процессов и их обусловленности изменениями в разных сферах жизнедеятельности общества была языковая ситуация в конце XVII – первой трети XVIII в., связанная с революционными преобразованиями Петра I, необходимым атрибутом которых стало создание нового культурно-языкового пространства.

Дискурсом, стремительно приобретающим новый вид в период правления Петра I, становится прежде всего дискурс административно-государственного управления и делопроизводства, уходящий корнями в приказную традицию и стремящийся ее преодолеть. Именно здесь в первую очередь проявляется стремление выработать новые средства выражения, новые жанры, новый речевой этикет. В деловом дискурсе происходит закрепление и адаптация огромного количества лексических заимствований, активно вторгавшихся в этот период в русский язык. Словарное единообразие языка документов нарушается широким использованием славянизмов, причем в несвойственных им до сих пор жанрово-стилистических и этикетных функциях. Так, например, в роли актуализаторов предписания выступают союзы *дабы*, *егда*, *понеже* и др.

В связи с расширением территории функционирования деловой язык демонстрирует в рамках одного стиля перспективы взаимодействия элементов не только приказной традиции и книжного языка, но и разговорной речи в ее региональном и диалектном многообразии, в результате чего происходит функционально-семантическое переосмысление гетерогенных средств и создание нового языкового пространства текста.

Благодаря активным преобразованиям, происходящим в деловом дискурсе, именно он становится одним из основных доноров, питающих все остальные разновидности русского дискурса. Причем влияние «подъязычного» языка, ставшее особенно сильным в литературном обиходе начиная с Петровской эпохи, оценивалось филологической общественностью того времени негативно, как нарушающее нормы литературного языка. Так, А. П. Сумароков в Эпистоле о русском языке 1748 г. приписывает подъязычному языку не особые подъязыческие выражения, а общее пристрастие к «неправильному» языку [8, 302–304].

В ряду переломных эпох особое место занимает период конца XVIII в. – первых десятилетий XIX века, выдвинувший на первый план художественный дискурс, в котором наиболее ярко отразились актуальные когнитивные, языковые и коммуникативные процессы. Именно здесь реализуется огромный семантико-стилистический и социально-культурологический потенциал наличного гетерогенного языкового материала, унаследованного из русского дискурса предшествующего столетия, и заканчивается формирование синтетического русского литературного языка и принципов стилистического выбора. Г. О. Винокур пишет: «на конечном пути движения русского языка к общенациональной норме решающая роль выпала на долю русской художественной речи» [9, 99].

Писатели выступают инициаторами нового обращения с языком: с одной стороны, более свободного, с другой – направленного на стабилизацию употребления разнородных языковых средств. За предельно короткий срок развиваются и сменяют друг друга такие литературные направления, как сентиментализм, романтизм и реализм, появляются новые поэтические и прозаические жанры. Проблемы развития русского языка становятся объектом писательских споров, полемик [10].

Начало этому процессу, как известно, положил Н. М. Карамзин с его «новым» слогом и установкой на речь «хорошего общества». Карамзинисты вводят моду на «и д е а л ь н у ю разговорную речь, апробированную критерием вкуса» [11, 152]. В произведениях Н. М. Карамзина и его последователей находят отражение новые явления в лексическом составе и синтаксическом строе языка: неологизмы, заимствования и кальки, расширение семантической структуры слов, новые приемы словоупотребления, перестройка порядка слов русского предложения по модели французского языка. Особого внимания заслуживают славянизмы, которым «была сообщена экспрессия «сладостности», нежности, пластичности и музыкальности» [9, 337]. Все эти преобразования вызвали неприятие и острую критику защитников традиционной культуры художественного слова с присущей ей стилистической дифференцированностью.

В первые десятилетия XIX в. в условиях роста идей о национальной самобытности русского литературного языка, дискурс художественной литературы обогащается народно-разговорными словами и выражениями, пословицами и поговорками, междометиями и частицами. Все это расширяет и углубляет концептуальное пространство художественного дискурса.

Обобщение всего накопленного языкового опыта связано с литературно-языковой практикой А. С. Пушкина, его соратников и последователей. Причем, как отмечают исследователи, у стихотворного и проза

ического языка были свое место и своя роль в процессе освоения и распространения новой речевой культуры. Если преобразование стихотворного языка связано с преодолением поэтической традиции, созданной в XVIII в., то «стилистические нормы, отражавшиеся в прозаическом языке XVIII века, никогда не были для Пушкина живым фактом языковой культуры». Поэтому к преобразованию прозаического языка Пушкин приступает только после того, как приобрел богатый и длительный опыт «в области разрушения старых и создания новых стилистических норм» [12, 232–233]. Следует отметить, что «простонародность» стихотворного языка Пушкина также первоначально благоприятно воспринималась не всей читающей публикой. Его обвиняли в пристрастии к «мужицкой рифме», к соединению высоких славянских слов с простонародными. Очевидно одно, что выработанный Пушкиным сначала интуитивно, а затем и сознательно новый принцип употребления языка – принцип художественности – означал «освобождение литературного языка от связи с той или иной идеологией, чем «болел» русский литературный язык на протяжении второй половины XVIII – начала XIX века, и в то же время он становился способным быть орудием выражения любой идеологии, любого идейного, научного, философского и политического содержания» [13, 579].

Сопоставительное изучение процесса функционирования русского языка в переломные периоды его развития представляется перспективным, т. к. позволяет обратить внимание на ряд особенностей: 1) из-за быстрых темпов развития языка на сломе эпох новые явления, обнаруживающиеся в речи, обычно воспринимаются как нарушение нормы; 2) в переломные периоды развития языка, прежде всего в силу экстралингвистических причин, выдвигается определенный тип дискурса, в рамках которого активно осваиваются новые явления, что обуславливает в дальнейшем активизацию у него функции донора, питающего другие дискурсы; 3) воздействие такого дискурса на социум, на формирование общественного и языкового сознания обусловлено заложенным в нем концептуальным и коммуникативным потенциалом.

Новосибирский государственный технический университет

*Русанова С. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологии*

E-mail: rusanowa_7@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Современное состояние русского языка. Избранные статьи. – Режим доступа: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/112-sovremennoe-sostoyanie-russkogo-yazyka-izbrannye-stati-1998-2004>
2. РЯСО – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. 185 с.
3. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – 2-е изд., стер. – М. : Знак, 2009. – 232 с.
4. Кронгауз М. Языковой вкус эпохи / М. Кронгауз. – М., 1994. – 247 с.
5. Русский язык XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
6. Дроздов Р. К. К вопросу об основных тенденциях развития языка СМИ / Р. К. Дроздов // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак-т МГУ, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 568–569.
7. Ревзина О. Г. Русский дискурс в XXI веке: структура и структуризация / Р. К. Дроздов // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак-т МГУ, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 137–138.
8. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – М., 1996. – 591 с.
9. Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.
10. Лотман Ю. М. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. История и типология русской культуры. – СПб. : Искусство, 2002. – С. 446–600.
11. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б. А. Успенский– М. : Гнозис, 1994. – 240 с.
12. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – 448 с.
13. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века / А. М. Камчатнов. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 688 с.

*Novosibirsk State Technical University
Rusanova S. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language and Literature Department
E-mail: rusanowa_7@mail.ru*